

Рабинер Игорь. РОССИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СПОРТА

Игорь Рабинер

СПАРТАКОВСКИЕ ИСПОВЕДИ

**ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ;
ИЗ МАСТЕРОВ — В ТРЕНЕРЫ**

ОТ СТАРОСТИНЫХ ДО АЛЕНИЧЕВА

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

P12

Рабинер, Игорь Яковлевич.

P12 Спартаковские исповеди. Отцы-основатели; из мастеров — в тренеры : от Старостинных до Аленичева / Игорь Рабинер. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-215732-5

Игорь Рабинер, автор популярных и нашумевших книг о команде «Спартак», изменил подход и написал книгу, которая раскрывает с новой стороны историю одного из старейших клубов России.

«В этой книге я в каждой истории того или иного человека вижу свою настоящую боль за родной клуб. Мне было интересно все это читать. Каждый хотел чем-то помочь «Спартаку».

Евгений ЛОВЧЕВ, чемпион СССР 1969 года,
лучший футболист Советского Союза 1972 года

УДК 796.332(470)

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-215732-5

- © В оформлении обложки использованы фотографии:
Юрий Сомов, Михаил Фомичев, Владимир Родионов, Александр Вильф,
Сергей Пивоваров, Владимир Федоренко, Максим Богодвид,
Владимир Сергеев / РИА Новости;
- © Dmitry Korotayev / Epsilon / GettyImages.ru
- © Дмитрий Донской, Леонид Доренский, Владимир Федоренко,
Валерий Шустов, Владимир Родионов, Игорь Уткин,
Александр Вильф / РИА Новости
- © Рабинер И. Я., текст, 2021
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Братья СТАРОСТИНЫ «ИМ БЫЛО НЕПРИЯТНО, КОГДА КТО-ТО ПЫТАЛСЯ ВОЗВЕЛИЧИВАТЬ СТАЛИНА»	7
Никита СИМОНЯН «ВАСИЛИЙ СТАЛИН СКАЗАЛ: СПАСИБО ЗА ПРАВДУ. ИГРАЙ ЗА СВОЙ ”СПАРТАК“»	47
Олег РОМАНЦЕВ «НА ВАГАНЬКОВО ПРОШУ У СТАРОСТИНА ПРОЩЕНИЯ. ВЕДЬ МОЖНО БЫЛО СДЕЛАТЬ ЕЩЕ ЛУЧШЕ»	100
Георгий ЯРЦЕВ «БУДЬ МЫ С РОМАНЦЕВЫМ ВМЕСТЕ, ТИХОНОВ И КЕЧИНОВ ИЗ КОМАНДЫ БЫ НЕ УШЛИ»	188
Станислав ЧЕРЧЕСОВ «НЕПОПУЛЯРНЫЕ РЕШЕНИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПО ТИТОВУ, ПРИНИМАЛ Я, И ТОЛЬКО Я»	257
Валерий КАРПИН «”ПРИВЕЗ“ РЕШАЮЩИЙ ГОЛ И РАСПЛАКАЛСЯ В РАЗДЕВАЛКЕ. ПОДОШЕЛ ЧЕРЕНКОВ: ”ВАЛЕРА, ЗНАЮ, ЧТО ТЫ НАМ ЕЩЕ ПОМОЖЕШЬ“»	312
Дмитрий АЛЕНИЧЕВ «УСТАНОВКИ У ЯРЦЕВА НЕРЕДКО ПРЕВРАЩАЛИСЬ В ПРОГРАММУ ”ВОКРУГ СМЕХА“»	351

Братья СТАРОСТИНЫ

«ИМ БЫЛО НЕПРИЯТНО, КОГДА КТО-ТО
ПЫТАЛСЯ ВОЗВЕЛИЧИВАТЬ СТАЛИНА»

Я ОЩУТИЛ СЕБЯ СЛОВНО В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ. Дом рядом с метро «Сокольники». Дверь квартиры распахнулась — и передо мной предстал Андрей Петрович Старостин. Тот самый, с которым я, казалось, тысячу лет был знаком по книгам и рассказам ветеранов, но с которым лично общаться мне не довелось...

Нет, и вправду — те же породистые черты лица, тот же веселый прищур, и, как потом выяснилось во время разговора, та же любовь к жизни и умение вкусно о ней рассказать. «Даже разворот плеч тот же!» — подтвердит впечатление его жена, присоединившаяся к разговору позднее.

А самое главное — это действительно был Андрей Петрович Старостин. Только младший. Сын Петра, самого «юного» из великой старостинской четверки. В 2013 году, когда мы разговаривали, ему было семьдесят шесть. Пять лет спустя его, к сожалению, не стало...

На мое замечание о поразительной похожести на полного тезку он отреагировал так:

— Да это я сейчас еще похудел на десять кило из-за инсульта. Три дня в реанимации был — хорошо еще,

что ничего не отказало. Если бы вы меня полгода назад увидели — совершенно другой человек! Вот тогда я действительно был на Андрея Петровича-старшего похож. Теперь же прежний вес не восстанавливается, руки худые стали. А раньше с гантелями занимался, от пола отжимался.

Андрей Петрович-младший — видный руководитель и ученый, с шестидесятых годов прошлого века занимавшийся разработкой и внедрением авиационных двигателей в холодильные и газоперекачивающие агрегаты. После Энергетического института он прошел путь от инженера до генерального директора конструкторского бюро «Турбохолод», а потом почти четверть века им руководил. Кандидат технических наук, академик Международной холодильной академии, лауреат премии Совета министров СССР, в восьмидесятых годах — председатель межведомственного Координационного совета по созданию газопровода «Уренгой–Помары–Ужгород», он и в 2010-х участвовал в собраниях акционеров ОАО «Турбохолод». В общем, успешный, полностью реализовавший себя человек — и далеко не в той сфере, в какой преуспел его род.

Но футбол, которым он занимался в детстве и отрочестве (разумеется, в «Спартаке» — а где ж еще с такой-то фамилией?!), всегда был его страстью, ею и остался. Он гордился принадлежностью к знаменитому футбольному роду Старостиных и был единственным его продолжателем по мужской линии. И сыновей своих назвал Александром — от него уже имеет пятерых внуков — и Андреем, в то время тоже ожидавшим прибавления в семействе...

— Получилось, что у всех братьев Старостиных я был единственным сыном, остальные — все дочери.

Только вот Саша Попов еще — сын тети Веры. А в следующих поколениях ребят уже много. Вообще же у братьев и сестер Старостиных родилось семеро детей: у Николая две дочери, Евгения и Елена; у Александра — дочь Алла; у Клавдии — дочь Ирина; у Андрея — дочь Наталья; у Веры — сын Александр (по отцу Попов); у Петра — я.

Когда ему было пять лет, сотрудники НКВД арестовывали отца в его присутствии. В одиннадцать ездил вместе с матерью к папе в лагерь под Тулу и провел там две недели. В семнадцать ходил с Николаем Петровичем на первый матч основателя «Спартака» после выхода из заключения, а во время сборища по случаю возвращения Андрея Петровича спал на одном диване с великим актером МХАТа Михаилом Яншиным, который своим весом с центнер юношу едва не раздавил. Был на всех юбилеях каждого из братьев и как никто другой может рассказать об их семейных традициях...

Как не поговорить с таким человеком, не погрузить сначала себя, а затем и читателей в мир Старостиных? Тем более что и память у сына и племянника великих братьев оказалась великолепная, и речь — плавная, красивая и в то же время очень живая.

* * *

Главная сила этой четверки заключалась в том, что недаром о них всегда говорили как о «братьях Старостиных», хотя каждый сам по себе был ярчайшей личностью. Они и их сестры, Клавдия и Вера, — пример совершенно спаянной, неразлучной семьи. Очень любили друг друга, уважали.

Непременным было почитание по возрасту. Если все вместе за столом собирались и Николай слово говорил — остальные молчали, пока он не закончит. За-

тем Александр, Андрей и Петр. И так — на всех вечерах, праздниках. Более того, рассаживались все по возрастному принципу. А мы, их дети, сидели совсем далеко. Теперь вот я дожил до того, что сижу почти во главе стола, между Лялей — Еленой, дочкой Николая Петровича, которая 80-летие отметила — и Наташей, дочкой Андрея Петровича, которая на пять лет младше меня. Все остальные, кто старше, умерли...

Родственников хвалить, конечно, не особо надо, но Старостины честные люди были, нормальные. Притом что жить им пришлось в гнусную эпоху, которая способствовала проявлению далеко не лучших качеств. И с гнусным вождем. Но это уже другой вопрос...

Представьте, ни у кого из них серьезных ссор друг с другом вообще не было! Я в шутку говорю иногда — может, это потому, что они отсидели долго, соскучились очень? Их же по всему Союзу разбросало. Николая отправили по этапу в Комсомольск-на-Амуре, Александра — в Инту, Андрея — в Норильск, моего отца — в Нижний Тагил... А потом вернулись — и как будто не было этих двенадцати лет.

Нет, Николай мог распечь за что-нибудь Андрея или отца. Но это касалось разве что футбольных вопросов. Надо брать какого-то игрока в «Спартак» или не надо, кто как сыграл... Что-то чисто профессиональное, словом.

Но доказывали они друг другу свою правоту до конца. Переубедить было невозможно. Доходило до обзывательств. Но не матом — нецензурно они могли выразиться, только если, например, кипятком кто-то ошпарится, а в обычной речи таких слов у них не было. «Ты ничего не понимаешь!», «Ты абсолютный профан в этом вопросе!» Слово «профан» было самым большим ругательством.

Когда играли во что-то, заводились, особенно Андрей. Мой отец лучше всех остальных играл в шахматы и в преферанс — так, когда его за столом не было, кто-то из братьев втихаря отходил, ему звонил и расклад описывал, советовался. Андрей проигрывал — и сердился. Начиналось: «Что ты тут часами сидишь и над ходом думаешь?» — «А тебе не о чем думать, поэтому и ходишь сразу!» Но игры и футбол были самыми «серьезными» почвами для препирательств. А Николай — тот в карты даже не играл. И вообще ничего предосудительного в жизни, с моей точки зрения, не делал. Сажать его не за что было...

Они по-разному относились к тем или иным людям. Андрей — тот с Бесковым, так сказать, водил дружбу. Константин Иванович с женой Лерой нередко к нему домой заходили. А Николай, честно говоря, Бескова всегда недолюбливал. Но на отношениях между Николаем и Андреем это никогда не сказывалось. Более того, Андрей стал инициатором приглашения Бескова в «Спартак», это точно. А старший брат, хоть никогда Константина Ивановича и не любил, пошел на это.

Как сейчас помню тот день осенью 1987-го. Мы все съехались к нему часа через три после инсульта. У него уже повело лицо, говорить не мог. Ольга, жена его, рассказала: пошел в ванную, стал бриться перед поездкой на работу, в Федерацию футбола Москвы, которую возглавлял... И упал. Умер в тот же день. Не дожив месяца до восьмидесяти одного года.

При всей своей дружбе братья сильно отличались друг от друга по характеру, по привычкам. Хотя и общие черты были. «Принципиальность» — звучит пошло. По-простому говоря — упрямые все! Если что-то вобьют себе в голову — не уступят. Все четверо. Но если говорит

красиво, то да, в своих суждениях они были очень принципиальны.

Николай в силу и своего положения, и характера всегда занимался делами их большущей семьи. Старостины ведь остались без отца, когда ему было восемнадцать. Будучи старшим из всех, он, еще мальчишка, стал фактически главой семьи.

И так продолжалось до конца. Николай держал всю семью. Не было ни одного года, чтобы хоть по разу все вместе не собрались у него на какой-нибудь праздник. А теперь того братства уже нет. Мы, двоюродные — Ляля, Наташа и я, — еще как-то держимся вместе, а следующие поколения уже почти не общаются, хоть и знакомы. Но ветви семья пустила знатные — я человек сорок знаю...

В юности я достаточно серьезно и регулярно занимался спортом. Играл в футбол, и довольно прилично, начиная с команды мальчиков «Спартака» и до его молодежки. Сыграл даже два-три матча за спартаковский дубль. Ширяево поле, Тарасовка — все это для меня родные места и как для юного футболиста. Пять из тех семи лет мы были чемпионами Москвы.

А когда мне стало семнадцать, появился Эдик Стрельцов. Он мой ровесник, 1937 года. Посмотрел я на него... И подумал: «Как это я, с фамилией Старостин, буду выходить на поле и играть во много крат хуже, чем Стрельцов безо всякой футбольной родословной?» А я, объективно говоря, был существенно хуже. Как можно было позорить фамилию?!

Меня даже Андрей Петрович, к тому времени только из лагеря приехавший, отговаривал:

— Ну чего тебе этот Стрельцов дался?

Но я ответил, что не могу так. Если играть — то чтобы не срамить честь Старостиных. И в 1954-м поступил в Энергетический институт, играть бросил.

* * *

А возвращаясь к Николаю — он половине семьи, а то и больше, с квартирами помог. В том числе и мне. Как генеральному директору предприятия «Турбохолод», мне была положена квартира — и ее от Сокольнического райкома партии (а тогда райком давал квартиры) выделили.

Но в ней семьдесят семь метров, а нас было трое — площадь по тем нормам была великовата. И запретили: нельзя, мол, давать ему больше семидесяти. Первый секретарь райкома говорит — идите к городским властям. К Промыслову, председателю горисполкома, по-нынешнему — мэру.

Звоню Николаю:

— Дядь Коль, мне положено, но не дают этот метраж. Говорят — идите к Промыслову.

— Все, я разберусь. Ну-ка расскажи...

Через два-три дня мы с ним вместе пошли к Промыслову. Вернее, меня он оставил за дверью, а сам пошел к «мэру», болевшему за «Спартак».

— Моему Андрею квартиру не дают...

Тот, едва услышал, на бумаге расписался: «Дать! Промыслов». А потом спросил: да чего он там, в Сокольниках? Мы ему на Ленинском проспекте дадим! И тут Николай понял, что мэр имеет в виду Андрея Петровича-старшего, думая, что речь о нем! Позже он рассказывал мне, что не стал уточнять, но Сокольниками дело и ограничилось. Промыслов думал, что одарил квартирой ТОГО Андрея Старостина...

Я-то племянник, а уж как Николай родным братьям-сестрам помогал! С самого начала. Николай взял на себя заботу обо всей семье, когда Петр Иванович умер от тифа в 1920 году. То есть Николаю, по основной версии, было восемнадцать, Александру — семнадцать, остальные мал мала меньше. Двое старших работали. А ведь еще и две сестры! Так что как семья выживала на практике, понять сложно. И уж тем более не мне об этом судить: меня тогда и в помине не было. Как можно было на две их зарплаты жить, учитывая, что у них не было каких-то особых доходов?

И много десятилетий спустя вся надежда в семье была по-прежнему на Николая. Вроде бы занят был по горло в «Спартаке», миллион дел, а едва у кого какие неурядицы — как-то время находил. Кто-то из родных заболел, визит к какому-нибудь медицинскому светилу надо организовать — пожалуйста. Отца моего тоже водил к специалистам, да уже поздно было...

Николай в итоге дольше всех и прожил. Конечно, он самой выдающейся личностью среди всех четверых был, что там говорить. Думаю, что по своим знаниям и масштабу он мог быть даже премьером. В семье говорили, что у него государственный ум. По моему мнению, по сравнению с ним Дмитрий Анатольевич Медведев — как его называю, кадет.

Николай Петрович видел и решал все затруднения на корню — в том числе и в «Спартаке». Видел, что Никита Симонян или Олег Романцев должны стать большими тренерами, — и давал им «Спартак», хоть опыта тренерского у первого вообще к тому времени не было, а у второго — только в низших лигах. Но видел, чувствовал.

Потому что так «Спартак» любил, так им жил, что даже каждому из нас, племянников, писал состав ко-

манды, с запасными. Вот не лень ему было! Я приходил к нему в начале сезона, он берет бумагу и выводит: вот в таком, мол, составе мы будем играть. И дает мне цидулю — чтобы знал. Дневник какой-то еще вел, где были расписаны по времени все тренировки, которые он должен посетить, товарищеские матчи...

А много ли вы еще найдете людей, которые встречались и с Лениным, и с Горбачевым? С первым советским вождем и последним? Ленин приехал как-то в контору, где он тогда работал бухгалтером; начальника конторы по какой-то причине на месте не было — и Николая Петровича, а тогда еще просто Колю, мальчишку, ему даже представили, Ильич ему руку пожал. Как написано в книгах, так он и нам рассказывал. Ленин к нему обратился, Николай не растерялся, ответил.

Горбачев вручал ему Героя Соцтруда¹. Дядя Коля потом говорил о Михаиле Сергеевиче, что он приятный человек. После кавалькады старцев он производил впечатление — хоть сказать что-то мог.

А вот про Сталина (который про Старостиных, конечно, знал, коль скоро и на знаменитом матче на Красной площади двух спартаковских команд присутствовал, и подготовленный Берией приказ об аресте потом подписывал) в семье никаких споров никогда не было: все отлично понимали, что это такое. Ленин до поры был, как для всех, светоч в темном царстве. Потом только поняли... «Отца народов» же Старостины, как пострадавшие, всегда осуждали. Нам было неприятно, когда кто-то пытался его возвеличивать, а позже — реабилитировать.

¹Николай Старостин стал первым в СССР человеком из мира спорта, получившим эту награду.

И сейчас ведь опять это началось, хотя умные люди понимают, что победа в Великой Отечественной — это была победа не благодаря, а вопреки Сталину! Верхушку военную перед войной перестрелял, вначале колоссальные потери были из-за его дурацких промашек. И даже Берлин умудрился так взять, что гигантское количество народу погибло. Мне дико слышать, когда говорят: «Сталин войну выиграл». И всем Старостиним было дико.

Членами партии были все четверо. Почему? Кто жил при советской власти, тот знает: если ты не был партийным, то никакую карьеру сделать не смог бы. Ни в какой отрасли. Каждый талантливый и умный человек, с моей точки зрения, стремится сделать карьеру. Не идет по тропам, не ведет себя непорядочно — а просто стремится к росту.

Кто этого не делает — тому посочувствовать можно. Тому же гениальному математику Перельману, который от миллиона отказался. Это его право, конечно, но я такого не понимаю. По-моему, в человеке заложено то, что даже если он просто способный, то жаждет совершенствоваться.

Дядя Коля любую отрасль, возглавив, поднял бы. Потому что — государственный ум. Причем без высшего образования — оно из всей семьи только у моего отца было. Да еще непьющий — в отличие от остальных братьев. Думаю, на нем гены наших предков сказались, псковских старообрядцев — им нельзя было. А может, еще и то, что Николай с самого начала не только в футбол играл, но и крупным организатором стал. Всегда что-то возглавлял, функционером был, а это дисциплинировало.

Дед Петр, отец братьев, не пил вообще, славился этим. И Дмитрий, брат его, тоже. Младшие тоже никогда не были пьяницами. Ни разу не видел, чтобы отец, Алек-

сандр или Андрей говорили бессвязно или встать не могли. Да никогда в жизни! Но выпить — это запросто.

Когда они уже были старые, во время застолий в квартире у Николая Петровича, спустя какое-то время хозяин их покидал, уходил в свою комнату. Тут уже все оживлялись, бразды правления брали Андрей и Петр. И нас подсаживали ближе. Так что дядя Коля ничего не запрещал, конечно, это все надумано. Просто ему не нравилось, когда пили много.

В серьезном возрасте Андрей тоже стал председателем Федерации футбола Москвы, а Александр, по-моему, РСФСР. Но больше он сидел у себя в Роскультторге, где был большим торговым работником. Винцо попивал. Водку он не пил, по крайней мере на работе, а «сухое» можно было.

Интересно, что контора у него была в переулке рядом с «Детским миром» — прямо возле Лубянской площади. Каждый день, получается, водитель вез его на работу и с работы мимо здания, где его и братьев когда-то пытали...

Дядя братьев, Дмитрий Иванович, плохо к революции отнесся. Знаю, что в дни праздников — 1 мая и 7 ноября — он во время демонстраций выходил с метлой из дома на Пресненский Вал и намеренно поднимал пыль, чтобы досадить демонстрантам. А заодно стихи декламировал:

Социал и демократ,
Весь обгадив Петроград
И нагнав на нас тоску,
Едет гадить к нам в Москву.

Это дядя Митя сам и сочинил. Удивительно даже, что ему за это ничего не сделали...

А вот как дед Петр отнесся к революции — не знаю, я же его никогда не видел. О нем мне известно только, что у него одного глаза не было — на охоте как-то выбили. Но думаю, что он тоже вряд ли большевикам обрадовался. По-моему, все, кто какую-то частную ответственность имел, отнеслись негативно. Хотя бы из-за национализации.

* * *

Когда в действительности родился Николай Петрович? Фигурируют два года — официальный, 1902-й, а также 1899-й. Якобы Николай где-то говорил, что он 99-го. Но не понимаю, как можно было этого не установить?! В конце концов, они не из совсем уж бедняков, чьи настоящие даты рождения не удавалось уточнить. Егеря и отец, и дядя — а это же в своем роде деревенская аристократия. Они никогда в жизни не были крепостными. Весь род! Это особая статья в деревне.

Богатые люди приезжали туда, в Псковские края, охотиться, а Петр и Дмитрий делали им так называемый оклад. А потом и советских вождей Дмитрий возил — Петр к тому времени уже умер. Говорили даже, что был такой Никита Старостин, главный егерь при Александре II. Но оказалось, что это чепуха. Они были в знаменитом Русском охотничьем обществе, но не выше каких-то вторых ролей. Их привлекли как прекрасных псковских охотников.

В любом случае, не может такого быть, чтобы Николай родился в 1899-м, а Александр — как по документам, в 1903-м. Потому что у них были фотографии, где они рядом сидят. Там же видно, что Коля на год старше, а не на четыре. Когда маленький, это же понятно! У меня есть снимок, где они сидят на крыльце. Николаю — семь,

Александру — шесть. И это видно. Но, может, дядя Шура — 1900-го? Кто знает...

Разные версии были, почему эти документы могли меняться. «Откосить» от Первой мировой войны? Считаем: так Николаю было бы двенадцать, а так — пятнадцать. Все равно не призвали бы, да и на год позже — тоже. Не срastaется как-то. В общем, непонятная история. Но то, что он на год старше дяди Шуры, в семье никогда сомнениям не подвергалось. И юбилеи всегда отмечались в домашней обстановке в соответствии с официальными датами.

До деревни Погост на Псковщине, родового гнезда, я так никогда и не добрался. Но они бывали там часто, ездили в разных сочетаниях. После того как их позвали в Москву и они купили дом на Пресненском Валу, многие родились уже там. Деревянный дом, сейчас его нет уже. Представляете, это окраина тогда, в начале века, считалась. А сейчас — центр Москвы!

Когда Старостины в современное жильё переехали, в том доме какое-то время цыгане жили. Я туда ездил, видел. В моей школе как-то был вечер-маскарад: помню, девочек туда пригласили, и это было огромным событием, потому что обучение тогда было раздельное. И вот я ездил к цыганам, брал у них какой-то цыганский мужской наряд и красовался на этом маскараде. До сноса тот дом так и оставался цыганским — целый табор там, по-моему, жил. А вот дом, где почти все Старостины жили и где я родился, на Спиридоновке около Патриарших прудов — стоит. Малая родина наша, ее все наши с почтением вспоминают...

От детства отца и дядьев мало что в памяти сохранилось. Только то, что дрались. Старшие, Николай с Александром, участвовали в кулачных боях на замерз-

шей Москве-реке. Район на район, их Пресня против Дорогомилова. Это не было каким-то выдающимся событием, с какой-то периодичностью собирались ребята и молотили друг друга. Андрей, третий по старшинству из братьев, в этих забавах, по-моему, уже не участвовал.

В книге серии «ЖЗЛ» написано, что Петр Иванович нередко брал детей на охоту, но ни от одного из братьев никаких воспоминаний на эту тему я не слышал. Они как будто принципиально об этом не говорили. Может, «переели» охоты в детстве? А вот пристрастие к собакам им, а потом и мне, и моим детям, по наследству передалось. Старостины всегда были «собачниками», а вот кошек в семье отродясь не бывало, их отчего-то не любили.

Деда Петра я не застал, а вот бабушку Александру Степановну, маму братьев, помню хорошо. Она жила с младшей дочерью Верой и ее сыном Александром. А умерла уже после Великой Отечественной, в 1956 году, дождавшись сыновей из лагеря. Непростая жизнь сделала ее крутой женщиной. По крайней мере, многие бабушки-дедушки внуками часто умиляются, а она нам особое восхищение не выказывала, в строгости держала. Многое ей пережить довелось: четырех сыновей больше чем десять лет не видела, а все, кто остался, в том числе и дочери, считались членами семей врагов народа.

Мы с Александрой Степановной виделись довольно редко, но последние свои дни она доживала в нашей комнате на Спиридоновке. Так получилось, что отцу дали двухкомнатную квартиру на Песчаной, и та комната у нас осталась — ее не забрали почему-то. Туда и поселили Александру Степановну, и Вера к ней ездила. Уход за ней был хороший, никто ее не бросил, конечно...